

Центр женских исследований (ИСИТО)

Серия: Культура. Власть. Различие.

ЖЕНЩИНА НЕ СУЩЕСТВУЕТ:

Современные исследования
полового различия

Под ред. И. Аристарховой

Сыктывкар 1999

Contents

<i>Editor's Introduction</i>	7
I. Theories of Sexual Difference	
<i>Svetlana Yaroshenko. En route to Russian Feminist Theory</i>	15
<i>Irina Aristarkhova. Does The Woman Exist?: Introduction to Theory of Sexual Difference (Luce Irigaray)</i>	24
<i>Bodily Materialism, Sexual Difference and Cyberfeminism. Interview with Rosi Braidotti by Irina Aristarkhova</i>	32
<i>Feminist Heritage: Art and New Fields of Intervention. A Round Table Discussion. Faith Wilding, Maria Fernandez, Irina Aristarkhova</i>	53
II. Representations of Sexual Difference	
<i>Elena Omelchenko. From "Sex" to "Gender"?: An analysis of Discourses on Sexuality in Russian Teenage Magazines</i>	77
<i>Sergei Ushakin. Appearance of Masculinity</i>	116
<i>Elena Tshavskaya. Love for Men, War for Women</i>	132
III. Different Methodologies, Different Strategies	
<i>Marina Kiblitckaya. "Writing Diaries" : Live Strategies of Single Mothers</i>	143
<i>Irina Aristarkhova. Cyberjouissance: A Sketch for a Politics of Pleasure</i>	159
<i>Contributors</i>	171

Translated by Irina Aristarkhova

С. Ярошенко

В ПУТИ К ТЕОРИИ РУССКОГО ФЕМИНИЗМА

Эссе

Обсуждая с Ириной Аристарховой идею создания журнала по теории русского феминизма и критически оценивая собственные возможности по участию в этом непростом деле, я постепенно утверждалась в мысли, что нельзя оставаться сторонней наблюдательницей (на обочине) феминизации мирового сообщества в целом и России в частности. Как и «капитализация», этот процесс весьма противоречив: так называемому прогрессивному законодательству сопутствует практика явной половой дискриминации, феминистскому движению, утверждающему о подавлении женщины, - повседневный конструктивный феминизм российских женщин. Конечно, проявления последнего не всегда заметны, но возникают в процессе социального самоопределения постсоветской женщины как в отношении собственных интересов, так и возможности их реализации.

Полны противоречий и представления о том, как артикулировать половые различия, за что и как «бороться» в процессе политического, экономического и интеллектуального самоопределения. В этом смысле показательным для меня стал семинар «Гражданское общество и гендерная политика в России»^{*}. В открытых дискуссиях и кулуарах здесь явно или неявно присутствовала тема научной и политической перспектив феминизма на российской почве: первая ставилась под сомнение из-за некритического восприятия западных теорий, вторая - из-за гендерной «дремучести» российских интеллектуалов и кажущейся политической апатии россиянок. Обсуждая эти вопросы с некоторыми участниками и участниками, мы сошлись на мнении, что необходимо по-новому заявить о женской проблематике, дать возможность выразиться как российской женщине в ее различиях, так и российской феминистской теории.

^{*} Семинар был организован международным институтом гуманитарно-политических исследований и Гиссенским университетом при поддержке Фонда Фолксваген (Москва, январь 1999 года).

Жанр эссе позволяет обозначить тему для дискуссии, спровоцировать разговор, задать вопросы, не предлагая окончательных ответов, которых и быть не может. И вопросы будут не о тенденциях воспроизводства феминистского знания на российской почве (понятиях, концепциях, парадигмах, публикациях), а о российских практиках проявления полового различия: когда и в каком контексте проявляется размежевание позиций мужчин и женщин. Некоторые из этих практик уже нашли своих исследователей, некоторые - замалчиваются, так как не вписываются в принятые и одобренные теоретические концепты (импортированного феминизма в том числе). На мой взгляд, анализ формирования повседневных норм и привычных стратегий поведения позволит выявить белые места в теоретических изысканиях и определить степень адекватности существующих теоретических схем. Не претендуя на детальный анализ современных гендерных исследований в России, в эссе актуализируются проблемы, ждущие своих исследователей.

Практика эгалитаризма, или Последствия равенства

В России попытка конструирования социума на основаниях равенства, в том числе в отношении полов, имеет 70-летнюю историю. Советские женщины наравне с мужчинами получили право на труд в большинстве сфер, в том числе в политической, а также право на аборт и на отдых. Но исторический опыт государственного эгалитаризма показывает, что проблема в терминах (не)равенства не соответствует сложности положения женщин в современной России. Постоянно наши представления, в том числе и те, которые лежат в основе гендерных исследований (аналитических, статистических), ограничиваются определенными стереотипами об «идеальной ситуации». Мы ищем и находим «неравенство» не везде и не для всех, а избирательно, точно также избирательно затем реализуем идеи равенства.

Прежние образцы идеальной ситуации, как правило, преодолевали различные ипостаси так называемого мужского доминирования (господства, подавления) и представляли женщин, равных мужчинам. Такой социальный норматив обернулся для российских женщин «оранжевыми» жилетами, работой в три смены, а для мужчин - настойчивым исключением из семьи. Заключенные гендерные контракты «работающей матери» и «невидимого отца» не решили проблемы.

Не было ни адекватных представлений о том, каким образом включать мужчин в пространство, традиционно ассоциируемой с женщинами, ни осознания нечеткости границ этого пространства. Частная сфера, связываемая с женщиной, была труднодоступна и скрыта в тени табу и предрассудков. Другие «женские» сферы в общественной жизни - вос-

питание и образование, к примеру, - не осмысливались с точки зрения проявления в них особых отношений и женских стратегий. Социальный заказ не допускал иного рассмотрения.

В результате такого рода практика эгалитаризма вела к игнорированию женских различий или к сведению их к репродуктивному поведению. При этом допускалась одинаковость мужчин и женщин через символическое уничтожение женских различий в сведении их к общечеловеческим показателям. Таким образом, советская женщина становилась еще более прозрачной, менее видимой культурно и социально.

Поэтому неравенство «по-прежнему» сохраняется, о чем свидетельствуют «беспристрастные» статистические данные последних лет и просто житейские наблюдения. «Как свидетельствует статистика», существуют диспропорции полов по возрастам (перевес женщин старших возрастов), по продолжительности жизни (женщины живут дольше), по экономической активности (женщины чаще оказываются в числе безработных и малооплачиваемых), плюс ко всему упала рождаемость. Если исходить из идеологии равенства, то картинка получается (или делается?) безрадостной. Этот список диспропорций в позициях мужчин и женщин можно интерпретировать в зависимости от исследовательских/политических интересов. Уже избитыми аргументами стали те, что традиционными сферами занятости для женщин являются образование, культура, искусство - как постоянно напоминает, сферы малооплачиваемые. До недавнего времени, «жалуются» в гендерной социологии, женскими отраслями были связь, торговля, финансы, страхование, а сейчас их активно «осваивают» мужчины, делая их более престижными и высокооплачиваемыми. Женщины во властных органах представлены мало, да и они туда не рвутся - еще один типичный аргумент.

Где же женщина и почему так «упорна» мужская активность? Статистика, по своей этимологии и истории - государственная наука, и сферы ее учета всегда были соответственно избирательны. Что подсчитывается и публикуется - вопрос всегда политический [1]. И дело совсем не в том, когда в статистике появляется женщина: в разделе о «домашней работе», в ведении семейного бюджета, - а в том, что данные претендуют только на «политическую корректность» и не больше в представлении женской социальной позиции.

Так происходит и в отечественных гендерных исследованиях. «Гендер» стал своеобразной модой, широко обсуждаемой проблемой и объектом администрирования. При этом зачастую воспроизводится прежнее стратегическое знание, ориентированное на достижение равенства мужчин и женщин в профессиональной, политической, частной сферах, что только скрывает глубину проблем по вопросу о половом различии. Вновь не проговаривается вопрос о том, какие различия преодолеваются или будут преодолеваются таким образом, какие различия попадают в

фокус внимания, а какие просто ускользают от взгляда смотрящего и почему.

Так, в противовес социальному часто предлагается частное (сегодня все чаще пользуются словом - приватное). Помимо того, что здесь воспроизводится снова опустошенный дуализм социального и частного, еще проблемнее все сводить к ставшему привычным рассуждению о том, что мужчины реализуются в профессиональной сфере, а женщины - в семейной, или о том что мужчины - кормильцы, а женщины - хранительницы домашнего очага - а ведь такие аргументы можно услышать в серьезных академических кругах. Поэтому многим ясно, что необходимо что-то предпринимать по этому вопросу.

Однако совсем не хочется «равенства», представляемого в виде борьбы с мужчинами за их возвращение в семью и с женщинами за превращение их (еще больше!) в мужчин согласно стереотипам бизнесмена или киногероя. Именно так, к сожалению, воспринимаются в повседневной жизни идеи переустройства социального порядка на основаниях гендерного равенства. Вспоминается отповедь одной женщины при обсуждении «женских проблем» и способов их разрешения. Она настолько рьяно не принимала российскую практику уравнивания полов, защищая незыблемые ценности брака, семьи и женского предназначения, и настолько эта реакция не вязалась с ее рассказами о собственном поведении в быту и на работе, что сразу взяли сомнения о состоятельности простого сведения проблемы к (не)равенству и гендерной дискриминации. Эгалитарный подход не только дискредитирован из-за своего империализма и ориентализма, но и нечувствителен к другим социально-значимым различиям между женщинами, скрытым в тени обсуждаемых диспропорций. Более того он упрощает многообразие стратегий обоих полов в ответ на проявление властных отношений в их взаимодействии, опосредованном к тому же обсуждением и регулированием различными заинтересованными сторонами.

Для понимания половых различий следует понять механизм распределения власти, и идеи М.Фуко о властных отношениях здесь незаменимы. И несомненно важным в этом понимании является тот образец преобразования, который возникает на пересечении взаимодействия множества разнообразных силовых потоков.

Практика распределения ролей, или Универсально ли женское угнетение?

Автор разделяет теоретический скепсис об универсальности женского подчинения, которое часто бывает обусловлено классовыми, этническими, властными и культурными различиями среди женщин. Плюс ко

всему женщины не являются пассивными исполнительницами чьей-то воли или жертвами. «Где есть власть, там есть сопротивление» [1]. Властные отношения пронизывают гендерное взаимодействие.

Традиционно особенность и различие женщины сводят к материнству или социализации гендерных стереотипов, то есть к задачам социального и биологического воспроизводства граждан определенного общества, а мужчины - к задаче материального обеспечения и трудовой активности, то есть к ролям кормильца и работника. Считается, что при этом женщины всегда занимают менее властные и значимые социальные позиции. И разного рода попытки преодоления такого положения, как правило, связываются с равным включением в обе сферы деятельности как мужчин, так и женщин и ассоциируются с женской эмансипацией. В действительности, в распределении власти между полами участвует большее число сторон с разными интересами и их взаимодействие не носит безусловно полярного характера. В Советской России за послереволюционным «освобождением» женщины от патриархальной культуры и традиционной крестьянской расширенной семьи скрывались на самом деле глубокие процессы управленизации государства и трансформации основных силовых потоков. Государство большевиков пыталось разрушить общности, опосредующие устоявшуюся связь индивида с царским режимом: институт церкви с его правами на регистрацию брака и смерти, крестьянская община, патриархальная семья (И.Аристархова) [2]. И то, что декларировалось как эмансипация женщин «сверху», по-существу, означало не столько исключение мужчины из семьи для более успешного выполнения иных более важных государственных задач (Л. Мезенцева), сколько сворачивание тех сфер гражданской, общинной жизни, где женщины были значимы и где проявлялись их различия.

Некоторые исследователи (S.Ashwin, М.Киблицкая) считают, что в результате государственной эмансипации женщины произошло постепенное исключение мужчины и из экономической сферы семьи, когда роль кормильца чаще взваливала на себя женщина. На мой взгляд, суть не столько в том, что женщины становились кормильцами семьи, а в том, что идеологическое и властное лидерство женщины в советских семьях, поощряемое государственной политикой, не требовало подтверждения более высокой по сравнению с мужчиной экономической активности и результативности.

В то же время повседневная практика договорных отношений по поводу выполняемых обязанностей вносит некоторые коррективы. И не всегда эта «коррекция» действует в направлении генеральной стратегии, предполагающей женскую субординацию и угнетение. Чаще всего остаются вне поля зрения конструктивные практики, в которых проявляется современная активность женщины во властных отношениях: со-

циальные связи, родственный и знакомственный обмен, экономическая самостоятельность и мобильная субъектная позиция.

Предвижу возражение о том, что женщины в этих сферах в действительности являются лишь проводницами патриархальных устоев и традиций. На мой взгляд, такая позиция нечувствительна к половому различию, то есть к тому, что женские практики не сводимы «без остатка» к патриархальным нормам и традициям.

Гендерная система остается иерархичной - в языке и в других социальных институтах, с одной стороны, однако современная сетка властных отношений представляет (или дает возможность) женщинам определенные полномочия, статус, влияние - с другой. Существуют негласные правила, взаимные права и обязанности, которые определяют отношения между мужчинами и женщинами, молодыми и пожилыми, сферы производства и воспроизводства [3].

Сторонники подхода социального конструирования гендера пытаются выявить, каким образом гендер (гендерные роли и стереотипы поведения) конструируется в культурных и общественных практиках и репрезентациях. Анализ социального конструирования мужественности/женственности позволил им прийти к выводу, что «в современном обществе отношение мужского и женского - это отношение различия, сконструированное как неравенство возможностей. Асимметрия отношений подчеркивается гендерным дисплеем, который маскирует дискриминацию под различие» [4]. Помимо полагания на эгалитарные идеалы, смешанные с произвольным использованием понятия «различие», во всей статье только один раз встречается отсылка к российским реалиям гендерных отношений, когда приводится пример особого (смех, ирония, несерьезное отношение) восприятия проблемы сексуальных домогательств на рабочем месте. Объясняется это «эротизированностью российского гендерного дисплея», когда «флирт на работе считается нормой гендерных отношений, а эротически окрашенное отношение рассматривается не как депривация, а как стилевой элемент данной культуры».

Иными словами, пока вопрос о проявлении и статусе полового различия остается открытым.

Практика молчания, или О чем молчат женщины?

О чем мы молчим? Что скрывается за нашим солидарным молчанием? Какие мифы поддерживаются таким образом?

Молчать можно по-разному и с разным эффектом. Можно обсуждать одни вопросы и оставлять без внимания иные. Можно молчанием демонстрировать власть (силу), а можно скрывать ощущение бессилия.

Как кажется, малопродуктивность женской теории у россиянок и распространение определенной версии западного феминизма - это разные стороны одной медали «молчания», скрывающей механизм формирования гендерных стратегий и практик в России.

Действительно, о чем мы молчим? Постоянно утверждается, что мы ищем сильное мужское плечо, можем реализоваться только в детях, о том, как свести концы с концами, когда зарплаты либо просто нет, либо ее не платят, и денег вечно не хватает. Да и мужчины то с головой в работе, то где-то пропадают, то пьют. Молчим о несправедливости бытия, когда надо успеть и дома, и на работе. Молчим о грузе ответственности, о героических усилиях, предпринимаемых ежесчасно.

Пожалуй, не о том. Мы не находим слов для выражения того, что мы хотим и что нас радует. Как оказалось, в беседах и разговорах с женщинами, вопрос о радости и удовольствии в повседневной жизни вызывает затруднения. Приведу лишь краткие, но убедительные выдержки из одного интервью:

- *Что доставляет удовольствие в жизни?*
- *Дети.*
- *И все?*
- *А что еще?*
- *А что радует?*
- *... что на сэкономленные деньги можно кофе с девчонками попить. А еще что? Надо думать...*

«Женское счастье, был бы милый рядом, ну а больше ничего не надо...»? Вряд ли нас устроит такая интерпретация женской радости. Женская сеть, женская солидарность, женская взаимоподдержка, женская дружба, женские разговоры, женский опыт, женские беседы и гуляния, девичий смех - часто это находится за пределами отечественных гендерных исследований, так как противоречит социальному заказу «доказать, что у женщин все плохо» в обществе «мужского доминирования».

Как мне кажется, молчанием женщина ограждает также ту сферу отношений, в которой она действует по своим правилам, где сконструирован социальный порядок, неписывающийся в представления о ее дискриминации и угнетении, которые, между прочим, все еще воспроизводят мужские либеральные утопии и идеалы равенства и братства. Однако избегая вмешательства в эту структуру, женщины солидарно ее поддерживают. И речь не идет только о частном пространстве или о домашней сфере, поскольку ее влияние выходит за рамки дома - социально, культурно, символически и политически.

Обычно феномен молчания женщин связывают с отсутствием их половой идентичности [6]. Женщина молчит, потому что она ничто. Однако не эта проблема поиска отсутствующей идентичности в данном

случае волнует меня, а проблема молчания как политики, проявления власти и силового давления. Женщина молчит, не потому, что не знает, что хочет, а потому что мечется между социально одобренным женским призванием и утверждением собственного места в жизненном распорядке.

Практика русского феминизма

Часто западных женщин разочаровывает незначительное число «настоящих феминисток» в России, их неосведомленность в современной феминистской теории и экономическая несостоятельность. Разочаровывает распространение западного феминизма или, точнее, только определенного типа феминизма. Мазохизм русской женщины, согласной на страдание, стремление сохранить свою особую идентичность, связываемую с жертвенностью и всетерпимостью, препятствуют, по мнению некоторых из них, изменениям в ее положении и отношении к феминизму [5; 7].

Отсутствие привычных для Запада проявлений феминизма в виде борьбы за равноправие, установление квот, сжигания лифчиков на площадях и т.п. действий вряд ли стоит расценивать как политическую пассивность россиянок. Просто, чтобы открыть конструктивный феминизм российских женщин следует понять и исследовать специфику его проявления, равно как и усовершенствовать методы познания наблюдаемых различий.

Пока представления о гендерных стереотипах и половой идентичности на российской почве грешат явными заимствованиями определенных западных концептов, несмотря на их несоответствие российской действительности: их противоречия осознаются, но расцениваются как недоразвитость отношений. Происходит своего рода идеологизация гендерной проблематики и истеризации феминизма, то есть акцентирования борьбы за «мужскую» власть, а не анализ сложностей ситуации в современном знании по данному вопросу, особенно в применении к нашему обществу.

И чтобы русская феминистская теория состоялась, необходимо разобратся в терминах, допустить возможность «многоголосья» в методах и подходах к «половому вопросу», а также быть открытыми критике и чувствительными к иному, к отличному. Иначе есть опасность не только некритического заимствования, но и своего рода русофильского нарциссизма в российской феминистской теории.

* * *

1. Foucault M. The history of sexuality. Vol.1. An introduction. London: Penguin Books, 1990; Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. . Перевод с франц. С. Табачниковой. М.: Магистериум / Касталь, 1996. С. 111-150.

2. Aristarkhova Irina. Woman and Government in Bolshevik Russia. *Labour Studies Working Papers. No. 4.*

3. Stark-Arola Laura. Magic, Body and Social Order. The Construction of gender through women's Private Rituals in traditional Finland. Helsinki: Finnish Literature society, 1998.

4. Здравомыслова Е., Темкина А. Социальное конструирование гендера как феминистская теория. // *Женщина. Гендер. Культура: Сборник статей/ Под ред. З.А. Хоткина, Н.Л.Пушкарева, Е.И. Трофимова. М.: МЦГИ, 1998.СС.46-65.*

5. Goscilo Helena. The gendered trinity of Russian cultural rhetoric today - or the glyph of the h[i]eroine // *Soviet hieroglyphics: Visual culture in late twentieth-century Russia / Ed.by N. Condee. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1995. P. 68.*

6. Irigaray Luce. Sexes and genealogies // *Body against body: in relation to the mother. University of Columbia press, 1993. PP.8-21.*

Сведения об авторах

Аристархова Ирина - кандидат социологических наук, магистр социологии (MA, Warwick University), руководительница Центра Женских Исследований ИСИТО.

Ярошенко Светлана - кандидат социологических наук, заведующая отделом Экономической социологии Института Социально-Экономических и Энергетических Проблем Севера Коми Научного Центра Уральского отделения академии наук.

Брайдошти Роза - профессор, директор Факультета Женских Исследований Университета Утрехта (Utrecht University, Holland), одна из основательниц теорий полового различия и номадизма.

Уайлдинг Фэйт (Faith Wilding) - художница, активистка и писательница, работающая в разных дисциплинах. Основоположница движения феминистского искусства 70-х и член киберфеминистской организации Old Boys Network. Она в настоящий момент участвует в работе активистской группы subRosa, организуя симпозиумы, публикации и акции на темы биотехнологии и телесности. ><http://www-art.cfa.cmu.edu/www-wilding/>>

Фернандез Мария – искусствовед, специализирующаяся в постколониальных исследованиях, теории электронных медиа, латиноамериканском колониальном и современном искусстве, а также в смежных областях. Она получила докторскую степень (Ph. D.) от Колумбийского Университета в Нью-Йорке в 1993 году и с тех пор преподавала в различных учебных заведениях, включая Колумбийский Университет, Университет Питтсбурга, Карнеги Меллон Университет и Университет Коннектикута. В настоящее время она живет и работает в Питтсбурге, штат Пенсильвания.

Омельченко Елена - кандидат философских наук, доцент Ульяновского Государственного Университета, руководительница НИЦ «Регион».

Ушакин Сергей – докторант Колумбийского Университета (Нью-Йорк).

Тшавская Елена - аспирантка кафедры социальной работы Саратовского Государственного Университета

Киблицкая Марина - доктор социологии (Ph.D. Warwick University), кандидат социологических наук, научный сотрудник ИСИТО.

**ЖЕНЩИНА НЕ СУЩЕСТВУЕТ:
Современные исследования
полового различия**

Под редакцией **И.Аристарховой**
Ответственная за выпуск **С.Ярошенко**

Электронная версия: <http://www.komi.org>

Редактор **С.Б. СВИГЗОВА**
Компьютерный макет **Д.А. ТРОФИМОВ**

Подписано в печать 25.06.99.

Лицензия ЛР № 020283 от 25.02.98.

Формат 60x84/16. Печать офсетная. Бумага тип №2.

Усл.п.л. 9,9. Уч-изд.л. 9,7

Тираж 400. Заказ №87

ИПО СГУ. 167001. Сыктывкар, Октябрьский пр.,55